

TÜRKÖLOGİYA

- AZƏRBAYCAN MİLLİ ELMLƏR AKADEMİYASININ RƏYASƏT HEYƏTİ
- ПРЕЗИДИУМ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНА
- THE PRESIDUM OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF AZERBAIJAN

BAKI - 2018

3

AZƏRBAYCAN MİLLİ ELMLƏR AKADEMİYASININ
RƏYASƏT HEYƏTİ

TÜRKOLOGİYA

- *Beynəlxalq elmi jurnal*
- *Международный научный журнал*
- *International scientific journal*

- *1970-ci ildən nəşr olunur*
- *Издаётся с 1970 года*
- *Published since 1970*

- *İldə 4 dəfə çıxır*
- *Выходит 4 раза в году*
- *Published quarterly*

№ 3

İYUL-AVQUST-SENTYABR

BAKİ – 2018

Azərbaycan Respublikası Prezidentinin
İşlər İdarəsi
PREZİDENT KİTƏBXANASI

**TÜRKOLOJİ MƏRKƏZLƏR
ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ
CENTRES OF TURKOLOGY**

НАСИМХАН РАХМАНОВ (Узбекистан)
ГЮЛБАХОР АШУРОВА (Узбекистан)***

ИСТОРИЯ ТЮРКОЛОГИИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Взгляд на развитие тюркологии в Узбекистане. Заслуживает особого внимания то, что ранние теоретические представления о тюркологии на территории Узбекистана формировались в глубине веков (подразумеваемая территория нынешнего Узбекистана, иногда по необходимости мы используем названия «Туран» и «Туркестан»). Н.Я. Бичурин, говоря об истории Давана (нынешняя Ферганская долина – Н.Р.), приводит следующее сведение о языке народа данного края: «От Давани на западе до Аньси хотя говорят различными языками, но в обыкновениях весьма сходствуют и в разговорах понимают друг друга». «Различные языки» – это различные наречия тюркского языка. Эти ранние сведения о языке государства Даван взяты из летописи под названием «Ши Цзи» китайского историка Сыма Цянь. Предполагается, что данная летопись была создана между 109-91 гг. до н.э.

Так как современный узбекский край являлся местом обитания древних тюркских племён, Туран, несомненно, был одним из регионов формирования тюркского языка. То, что Сыма Цянь уделил внимание тюркскому языку в своем вышеуказанном произведении, является очень важным фактором. Так как диалекты тюркского языка были важной частью этнического процесса, Сыма Цянь, наряду с общественно-политической историей государства Давана, особо обратил внимание на положение тюркского языка в тот период. Далее историк хорошо осознал, что тюркский язык являлся важным признаком данного государства. Древние китайские летописи также дают сведения о способах письма древних тюрков.

Тюркология – наука, смежная с археологией, благодаря этому археологические находки, обнаруженные на территории Узбекистана, должны служить тюркологии, и ныне подобные взгляды внедряются в тюркологические

* Узбекистан, Национальный университет Узбекистана, профессор. E-mail: nasimhon_r@mail.ru

** Узбекистан, Ташкентский государственный университет узбекского языка и литературы имени Алишера Навои, доцент. E-mail: qalmoqon@mail.ru

исследования страны. Археологические слои, так называемые культуры Ферганы, Каунчи и Соха, обнаруженные в 30-х гг. прошлого века и относящиеся к третьему тысячелетию до н.э., должны тщательно изучаться и рассматриваться как один из важных источников тюркского этногенеза, хотя трудно найти сведения о языке и письменности того периода.

При проведении археологических раскопок в южной части Узбекистана в конце XX в. были обнаружены руноподобные надписи, что стало большим событием в культурной жизни Узбекистана. Три надписи, высеченные на керамических кувшинах, вошли в историю тюркологии под названием письма Кампиртепинского, Коштепинского и Старого Термеза. Археологический слой, относящийся к I в. до н.э.-I в. н.э., входил некогда в состав Бактрии. В процессе изучения образцов этих писем мы пришли к выводу, что письма являются образцами тюрко-рунических письменностей и тюркские племена оказывали большое влияние на письменную культуру этого государства. По указанной причине тюркское руническое письмо, наряду с греко-бактрийским письмом, широко использовалось на территории нынешнего Южного Узбекистана.

История лингвистических взглядов тюркологов Узбекистана. Формирование тюркологии как науки на территории расселения тюрков начинается с произведений Алишера Навои, или даже с него самого. Алишер Навои дорог нам как великий мыслитель, прославивший и показавший все возможности, а также высокий уровень художественности тюркского языка. Его произведение «Мухокамат ул-лугатайн» («Суждение о двух языках», 1499 год) заслуживает особого внимания, так как, по мнению Алишера Навои, тюркский язык нисколько не уступает персидскому, а, напротив, по богатству слов даже превосходит его. Именно в этой книге Навои эти вопросы и задачи были выдвинуты на первый план. С одной стороны, в качестве лингвиста-тюрколога, с другой стороны, в качестве великого творца, говоря о роли и происхождении слова в языке, о его экспрессивном значении, Навои даёт следующее определение слову: «Такое сокровище, что даже мужи красноречия бессильны в толковании его достоинств». По мнению Навои, в чём заключалось такое достоинство языка? Что стало причиной такого тщательного внимания толкования значений тюркских слов Алишером Навои, тогда как мужи красноречия были немощны? Достоинства тюркских слов и особое внимание Навои сим достоинствам преследуют целью показать ведущую роль языка, в частности, тюркского языка в качестве общественного явления и доказать, что тюркский язык ни в чём не уступал какому-либо другому языку.

Важным вкладом Навои в тюркологию стало и то, что он создал ранние теоретические основы социолингвистики; в своё время он сумел осознать большое различие между языком и обществом, изложил причины такого низкого положения тюркского языка в тот период: «Даровитые беки и принцы тюркского народа, мужи разума и светлого дара, не могли преуспеть в этом

занятии и воспроизвести скорые плоды этого в достаточной степени, что давало бы надежду на их успех в красноречии или хотя приблизило бы надежду эту к их судьбе. И поистине странно, что преданы были забвению установления смирения и покорности милостивой воле и одобрению такого падишаха - ревнителя и покровителя слова и речи; многие, а может быть, и все обратились к языку персидскому и были расположены к сложению стихов на упомянутом языке». Именно поэтому правитель Хорасана Хусейн Байкара по просьбе Алишера Навои издал специальный указ. В нем тюркоязычные поэты были призваны создавать свои произведения на своём родном языке.

Продолжение традиций Навои в тюркологии. География и хронология узбекской тюркологии довольно широка. Начиная с Навои возрос интерес к тюркологической науке. Тюркские народы стали уделять особое внимание своему происхождению. Тюркология не только состоялась в практическом отношении, то есть проявлялась в анализе распространения тюркского языка, но также было уделено внимание теоретической стороне тюркского языка - написанию грамматик, составлению словарей. В XVI-XVIII вв. в тюркоязычных краях, где правила династия Тимуридов, был осуществлен ряд работ по созданию грамматик тюркского языка и словарей, а также филологических трактатов. Эти толковые и двуязычные словари были составлены для понимания и распространения произведений Навои на тюркском языке. Заслуживает внимания и то, что в этот период наряду с терминами «тюркский язык» и «тюркская литература» одновременно использовались термины «чагатайский язык» и «чагатайская литература».

Тюркология в исторических источниках. В результате стремления осветить этническую историю тюркских племен в тюркологии появился ряд исторических и историко-художественных произведений, даже эпосы. К этой категории относятся исторические произведения, такие как «Жомеъуттаворих» (Сборник летоисей, XIII в.) Рашидаддина Фазлуллаха Хамадани, «Тўрт улус тарихи» (История четырех улусов, XIV в.) Мирзо Улугбека, историческое произведение «Шажарайи тарокима» (Родословная туркмен), «Шажарайи турк» (Родословная тюрков, XVII в.) Абулгази Бахадурхана (он был правителем Хивы в 1645-1663 гг.) и «Ўғузнома» (Огузنامه, XV в.). Если не учитывать незначительные различия в постановке вопроса в этих произведениях, то все они дают ценные сведения о генезисе тюркских племен, об их общественной и политической жизни. В этих произведениях также имеются некоторые заметки относительно тюркского языка и тюркской литературы.

Древние китайские летописи служили достоверными источниками для истории тюркских племен до н.э., в частности, для истории гуннов и общественно-политической истории тюрков в начале эры (в трехтомном произведении Н.Я. Бичурина «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (М., Л.: 1950) подробно изложено об этих летописях). В качестве одного из источников исторической тюркологии мы имеем в виду именно те китайские летописи, а также вышеуказанные исторические

произведения и дастан «Огузнаме». Историческая тюркология развивалась как отдельная дисциплина в Туркестанском регионе. Особенно ценны в этом отношении «Шажарайи тарокима» («Родословная туркмен») и «Шажарайи турк» («Родословная тюрков») хивинского хана Абулгази Бахадурхана.

Абулгази как ученый-тюрколог, историк и филолог в буквальном смысле слова излагает свою программу в названных произведениях. Он, проанализировав позиции ученых-историков и творцов, написавших тюркскую историю до него, излагает свои взгляды, пишет о факторах, которые послужили толчком для написания тюркской истории. Абулгази в «Шажарайи турк» создает свой принцип – принцип «говорить по-тюркски». Принцип Абулгази состоял в том, что лексика и грамматика народного языка должны быть нормой произведений на тюркском языке. В тюркской историографии эту традицию можно наблюдать в «Бабурнаме» Захириддина Мухаммад Бабура. Абулгази проявил себя как теоретик и практик тюркского языка. Одним словом, для Абулгази первостепенную важность имел народный язык.

Так как Абулгази в обоих произведениях уделил основное внимание этнической истории тюркских племен, он не останавливается на правилах социолингвистики: он показывает социолингвистику на практике. Его основной целью было написание на чисто тюркском языке и на ясном всем слоям тюркского народа стиле. Навои, уделяя особое внимание положению тюркского языка в своем произведении «Мухакаमत ул-лугатайн», говорил о превосходстве тюркского языка над персидским в этом отношении и сосредоточил внимание на проблеме с теоретической точки зрения.

Навои, хотя не употреблял выражение «говорить по-тюркски», как Абулгази, подходил с иной точки зрения к практике лингвистической тюркологии. В обоих произведениях он в основном использовал тюркские слова и старался избегать арабо-персидских слов, так как всегда помнил лингвистическую тюркологию наряду с тюркологией исторической. Поскольку Абулгази даёт ценные сведения о географии распространения и размещения тюркских племен, произошедших от Яфета, и раскрывает этимологию некоторых тюркских слов (его мнение относительно вопроса родства монгольского и тюркского языков, данное им определение *уйгурскому языку* и этимологии этого названия, его логическое мышление об этимологии ряда этнонимов, таких как *қаён* и *қиёт*, *мўғул*, *қипчоқ*), несомненно, он продемонстрировал свои глубокие знания в области теоретических вопросов алтаистики и тюркологии.

Таким образом, Абулгази продолжил традиции по поднятию уровня и положения тюркского языка и на практике сумел доказать это. Он так оперировал лексикой и грамматической формой тюркского языка, что в обоих его произведениях не наблюдается превосходства какого-либо диалекта. Действительно, исходя из отношений Абулгази к тюркскому языку или чагатайско-тюркскому в предисловиях обоих произведений, его можно назвать защитником лингвистической тюркологии, личностью, которая сыграла важ-

ную роль в истории тюркского языкознания. Он считается ученым, который «поразил одной стрелой две мишени». Во-первых, на практике он продолжил тюркологию как науку, начатую Навои; во-вторых, обобщил этническую историю тюрков в китайских источниках, в «Диван лугат-ат турк» Махмуда Кашгарского и в вышеназванных нами исторических произведениях. По этой причине ориенталисты Российской и Европейской тюркологии в XVIII веке начали уделять большое внимание произведению Абулгази «Шажарайи турк».

После Абулгази Бахадурхана с XVIII в. до начала XX в. в Туркестане неизвестно имя какого-либо художника слова или ученого, который проявил бы себя в области практической и теоретической тюркологии. Действительно, в этот период времени социальная, политическая и культурная жизнь в какой-то степени испытывала деградацию. В основном было уделено внимание созданию романических эпосов. Кроме компилятивных сведений в некоторых исторических произведениях о происхождении тюркских племен от Огуз хана, больше серьёзных сведений в этом направлении нет.

Тюркология и «Чагатай гурунги» в Туркестане. В развитии тюркологии в Туркестане большую роль сыграл Туркестанский кружок любителей археологии (ТКЛА). После окончания деятельности ТКЛА (на этом мы подробно остановимся ниже) тюркология в Туркестане продолжала жить в составе востоковедения. В результате развития востоковедения как науки значительно возрос интерес к тюркологии. Одним из таких движений стал «Чагатай гурунги» («Беседа о чагатайском»). Для того, чтобы восстановить положение тюркского языка, чтобы освободить тюркский язык от оков арабизма и персизма, в Туркестане было создано движение «Чагатай гурунги», которое возглавил Абдурауф Фитрат. Это движение действовало с 1918 года по 1922 год.

История литературоведческой мысли и фольклора в трудах тюркологов. Выше мы выдвинули идею о том, что «чагатайский язык» является продолжением хаканского тюркского языка, и этот язык, благодаря чагатайскому языку, восходит своими корнями к древнетюркскому языку. Движением «Чагатай гурунги» проблемы «чагатайской литературы» были выдвинуты на первый план и стали основным объектом тюркологии Узбекистана в 20-30-х гг. В связи с чагатайской литературой в тюркологии было уделено особое внимание проблеме периодизации тюркского языка и тюркской литературы. Когда многие ученые говорили о критериях и особенностях тюркской литературы до эпохи Навои, они старались решить этот вопрос под названием чагатайский язык и чагатайская литература. В этом плане мы, стараясь обойти стороной отношение к чагатайскому языку и чагатайской литературе в русской тюркологии (здесь следует отметить взгляды В.В. Бартольда, А.Н. Боровкова, А.М. Щербака и других учёных), уделим внимание данному вопросу только с точки зрения языковедов и литературоведов Узбекистана. В действительности, относительно «чагатайского языка» и «чагатайской лите-

ратуры» тюркологи не пришли к единому мнению. Одним из ученых, который говорил об этой проблеме в 30-х гг., был Миён Бузрук Салихов.

Миён Бузрук в своей книге «Очерки по истории среднеазиатской и узбекской литературы» высказал свои взгляды относительно периодизации узбекской литературы. Эту книгу Миёна Бузрука трудно назвать последовательной историей тюркской литературы, так как в ней уделено внимание только некоторым образцам тюркской литературы. Когда Миён Бузрук говорил о специфике общетюркской литературы Средней Азии, уделил внимание исламизации литературы, а в качестве одного из основных критериев чагатайской литературы он опирался на философские понятия ислама, в частности, суфизм. Поэтому начало «чагатайской литературы» он связывает с Караханидской литературой (здесь уместно отметить рассуждения Фитрата относительно чагатайского языка и хаканского тюркского, о которых мы говорили ранее). Стихотворные отрывки «Диван лугатат-турк» Махмуда Кашгарского, которые были образцами древнетюркской литературы, по мнению М. Бузрука, относятся к массовой литературе.

Миён Бузрук, разделяя тюркскую литературу на классическую и массовую, исходит из общей тенденции литературоведения 30-х гг. В своей книге он старается соблюдать последовательность периодизации узбекской литературы. При периодизации он охватывает периоды с XII в. до эпохи джадидов.

Миён Бузрук, считая тюркскую литературу этого периода *классической*, в то же время останавливается на *массовой литературе*. По его мнению, такие произведения, как «Нахджул-фарadis» («Открытая дорога к раю») Махмуда Али ибн ас-Сараи (XIV в.), «Шаджараи тюрк» («Родословное древо тюрков») Абулгази Бахадурхана образуют массовую литературу. Классическая и массовая литература – это не литература отдельного периода тюркской литературы, а направления, имеющие место в литературе любого периода. Видимо, при периодизации узбекской литературы он придавал особое значение общественному и политическому духу. Становится явным и то, что больше внимания уделял ученый социальной стороне литературы, когда говорил о суфийском духе литературы каждого периода.

Можно считать, что взгляды Миёна Бузрука относительно развития тюркской литературы как бы восполнили взгляды Абдурауфа Фитрата. В сущности, во взглядах Фитрата на чагатайско-тюркскую литературу преобладает политическая мотивация. Говоря о генезисе стихотворных отрывков в «Диван лугатат-турк» Махмуда Кашгарского, Фитрат в качестве тюрколога отмечает, что «нет противоречий для принятия нами этих произведений по форме и духу как образцов литературы доисламского периода».

Изучение древнетюркских рунических памятников, как образцов письменной литературы, было начато Фитратом. Он привёл отрывок из памятника в честь Кюль-тегина в своей книге «Ўзбек адабиёти намуналари» (Образцы узбекской литературы, Самарканд, 1928). Затем литературоведы О. Шара-

фиддинов (1940 г.), Т. Салимов (1954 г.), академик А. Каюмов (1971 г.) интерпретировали эти памятники как образцы тюркской письменной литературы.

Тюркология Узбекистана, сформировавшаяся в 30-х годах XX века, в 80-х годах начала подниматься на новый уровень. Именно с изучения древнетюркских рунических памятников тюркология пошла по новому руслу. Труды, созданные хотя и стихийно до этого времени, открыли дорогу в тюркологию. В первую очередь, уделено внимание памятнику в честь Кюльтегина.

Ирк битиги (Книга гаданий) был отдельным этапом в древнетюркской литературе. На примере этого письменного памятника появились первые работы, освещенные в качестве нового художественного мышления в древнетюркской литературе, доказано появление мифологических рассказов в этом памятнике на основе обрядов и обычаев. Продолжение некоторых сюжетов в Ирк битиги (например, одновременное рождение героя и его коня, рассказ V) в тюркских эпосах, в частности, в «Манасе», в азербайджанском варианте «Короглы», конгратском варианте «Алпамыш», «Книге моего деда Коркута» и в некоторых сказках тюркских народов Сибири, а также монгольских эпосах показывает, что модель «человек-двойник» явилась результатом зооантропоморфического представления. Также на основе Ирк битиги Н. Рахмановым освещена функционально-семантическая схожесть символических образов орла, зеркала со скифским изобразительным искусством и генетическое единство данных образов в тюркской и скифской культурах.

Вместо заключения

Сверхъестественные образы в древнетюркских памятниках считаются важными факторами при определении связи письменной литературы с тюркским фольклором и их целостности в генетическом отношении. Исследования, которые проводятся в этом направлении, охватывают все жанры тюркского фольклора, в том числе, изобразительного и прикладного искусства древнего периода.

Исследование письменных памятников древнего уйгурско-тюркского письма составляет отдельное направление в тюркологии Узбекистана (здесь уместно сделать небольшое отступление: мы всегда говорим о том, что термин под названием «древнеуйгурское письмо» или «староуйгурское письмо» с конца XIX века неправильно применяется европейскими учеными. Теперь пришло время официально ввести термин, упомянутый Махмудом Кашгарским относительно письменных памятников, «тюркское письмо» для научного употребления). Подготовка академических изданий древнетюркских письменных памятников староуйгурско-тюркского письма в некоторой степени наладилась. В частности, Н. Рахманов осуществил академическое издание «Олтун ёру» («Золотой блеск») с комментариями и примечаниями древнетюркского текста, в том числе, переложение на узбекский язык. Творческая интеллигенция и учёные Узбекистана отмечают, что издание этого письменного памятника стало большим событием в научной жизни страны. Уделяет-

ся им внимание изучению манихейских текстов и их анализу как отдельного пласта и направления древнетюркской литературы. На основании этих памятников выдвигаются идеи о том, что при формировании жанров и формально-поэтических особенностей древнетюркской литературы основными факторами стали религиозные течения доисламского периода. В действительности, статьи и монографии, написанные начиная с 80-х годов прошлого века по письменным памятникам, оставили определенный отпечаток в тюркологии Узбекистана. Взгляды относительно графико-фонетических особенностей памятников XI-XV вв., фонетической системы тюркского литературного языка в письменных памятниках, графического развития древнеуйгурско-тюркского письма и мн. др. вопросы рассматриваются как большие успехи в тюркологии Узбекистана. Также стилистический анализ уйгурописьменных жалованных грамот XIV-XV веков, которые принадлежали двум тюркским государствам – Золотой Орде и государству Тимуридов, даёт толчок изучению в будущем лингвистической стилистики и стиля канцелярских тюркских документов в тюркологии. Эти памятники, как образцы письменной литературы, включались в учебники высших учебных заведений Узбекистана.

Короткая история тюркологии нашей страны показала, что были достигнуты определенные успехи в этой области. Однако становится ясным, что история тюркологии уходит своими корнями в далёкое прошлое. Наша основная задача в будущем – идти по пути профессионализма. Наряду с руническими письменными памятниками, обнаруженными на территории Узбекистана, сбор всех письменных памятников доисламского периода и создание их корпуса, сравнительное изучение с лингвистической точки зрения тюркских письменных памятников, последовательное исследование тюркологии раннеклассического и средневекового периодов и решение многих других проблем определяют перспективу нашей тюркологии.
